

Любимые поэты

БЕЛЛА АХМАДУЛИНА

**О, мой
застенчивый
герой**

**Издательство АСТ
Москва**

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5
А95

Дизайн серии *Анны Якуниной*
Составитель — *Василий Доценко*
В книге использованы иллюстрации *Бориса Мессерера*

Ахмадулина, Белла Ахатовна.
А95 О, мой застенчивый герой / сост. Василий Доценко. —
Москва : Издательство АСТ, 2024. — 224 с. — (Любимые
поэты).

ISBN 978-5-17-165619-5

«Отчаянная хулиганка» и «райская птица», гениальный поэт, очаровывающий всех, кто её встречал. Такой Беллу Ахмадулину знали её современники и такой же она осталась в памяти поколений. «Белла всё хорошеет и хорошеет, становится такой же воздушной, как её небесная лирика», — говорил о ней Андрей Вознесенский.

Она писала с детства — трогательные, нежные строки привлекли внимание друзей, а позже подарили всенародное признание. Её стихотворения переведены на десятки языков, что открыло миру таинственно-прекрасную лирику, полную возвышенных метафор и изысканной музыкальности. «Я вас люблю, красавицы столетий...», «Из глубины моих невзгод...», «По улице моей который год...», «А напоследок я скажу...» — голос Б. Ахмадулиной невозможно перепутать с чьим-то другим.

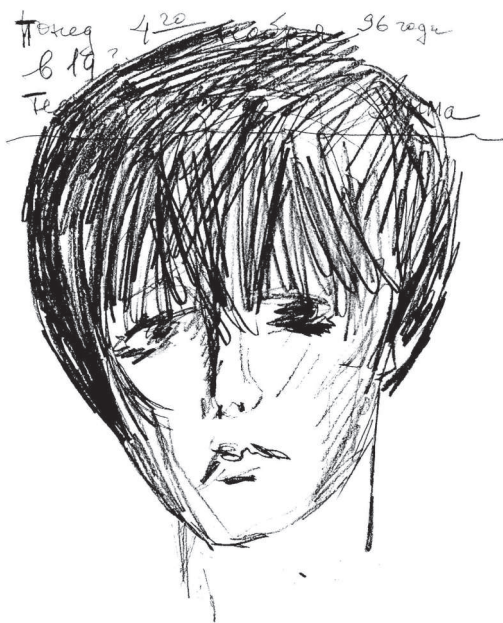
В оформлении книги «О, мой застенчивый герой» использованы работы Бориса Мессерера, которые не только дополняют стихотворения Беллы Ахмадулиной, но и продолжают историю их творческого союза.

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5

ISBN 978-5-17-165619-5

© Ахмадулина, Б.А. (наследники), 2024
© Мессерер Б.А., 2024
© ООО «Издательство АСТ», 2024

Из глубины МОИХ НЕВЗГОД

Belless

* * *

Я думала, что ты мой враг,
что ты беда моя тяжёлая,
а вышло так: ты просто враль,
и вся игра твоя — дешёвая.

На площади Манежная
бросал монету в снег.
Загадывал монетой,
люблю я или нет.

И шарфом ноги мне обматывал
там, в Александровском саду,
и руки грел, а всё обманывал,
всё думал, что и я солгу.

Кружилось надо мной враньё,
похожее на вороньё.

Но вот в последний раз прощаешься.
В глазах ни сине, ни черно.
О, проживёшь, не опечалишься,
а мне и вовсе ничего.

Но как же всё напрасно,
но как же всё нелепо!
Тебе идти направо.
Мне идти налево.

* * *

О, мой застенчивый герой,
ты ловко избежал позора.
Как долго я играла роль,
не опираясь на партнера!

К проклятой помощи твоей
я не прибегнула ни разу.
Среди кулис, среди теней
ты спасся, незаметный глазу.

Но в этом сраме и бреду
я шла пред публикой жестокой —
всё на беду, всё на виду,
всё в этой роли одинокой.

О, как ты гоготал, партер!
Ты не прощал мне очевидность
бесстыжую моих потерь,
моей улыбки безобидность.

И жадно шли твои стада
напиться из моей печали.
Одна, одна — среди стыда
стою с упавшими плечами.

Но опрометчивой толпе
герой действительный не виден.

Герой, как боязно тебе!
Не бойся, я тебя не выдам.

Вся наша роль — моя лишь роль.
Я проиграла в ней жестоко.
Вся наша боль — моя лишь боль.
Но сколько боли. Сколько. Сколько...

* * *

По улице моей который год
звучат шаги — мои друзья уходят.
Друзей моих медлительный уход
той темноте за окнами угоден.

Запущены моих друзей дела,
нет в их домах ни музыки, ни пенья,
и лишь, как прежде, девочки Дега
голубенькие оправляют перья.

Ну что ж, ну что ж, да не разбудит страх
вас, беззащитных, среди этой ночи.
К предательству таинственная страсть,
друзья мои, туманит ваши очи.

О одиночество, как твой характер крут!
Посвёркивая циркулем железным,
как холодно ты замыкаешь круг,
не внемля увереньям бесполезным.

Так призови меня и награди!
Твой баловень, обласканный тобою,
утешусь, прислонясь к твоей груди,
умоюсь твоей стужей голубою.

Дай стать на цыпочки в твоём лесу,
на том конце замедленного жеста

найти листву, и поднести к лицу,
и ощутить сиротство, как блаженство.

Даруй мне тишь твоих библиотек,
твоих концертов строгие мотивы,
и — мудрая — я позабуду тех,
кто умерли или доселе живы.

И я познаю мудрость и печаль,
свой тайный смысл доверят мне предметы.
Природа, прислонясь к моим плечам,
объявит свои детские секреты.

И вот тогда — из слёз, из темноты,
из бедного невежества бывшего
друзей моих прекрасные черты
появятся и растворятся снова.

Сказка о дожде

1

Со мной с утра не расставался Дождь.

— О, отвяжись! — я говорила грубо.

Он отступал, но преданно и грустно
вновь шёл за мной, как маленькая дочь.

Дождь, как крыло, прирос к моей спине.

Его корила я: — Стыдись, негодник!

К тебе в слезах взывает огородник!

Иди к цветам! Что ты нашёл во мне?

Меж тем вокруг стоял суровый зной.

Дождь был со мной, забыв про всё на свете.

Вокруг меня приплясывали дети,

как около машины поливной.

Я, с хитростью в душе, вошла в кафе.

Я спряталась за стол, укрытый нишей.

Дождь за окном пристроился, как нищий,

и сквозь стекло желал пройти ко мне.

Я вышла. И была моя щека

наказана пощечиною влаги,

но тут же Дождь, в печали и отваге,

омыл мне губы запахом щенка.

Я думаю, что вид мой стал смешон.

Сырым платком я шею обвязала.

Дождь на моём плече, как обезьяна,
сидел. И город этим был смущён.

Обрадованный слабостью моей,
он детским пальцем щекотал мне ухо.
Сгущалась засуха. Всё было сухо.
И только я промокла до костей.

2

Но я была в тот дом приглашена,
где строго ждали моего привета,
где над янтарным озером паркета
всходила люстры чистая луна.

Я думала: что делать мне с Дождём?
Ведь он со мной расстаться не захочет.
Он наследит там. Он ковры замочит.
Да с ним меня вообще не пустят в дом.

Я строго объяснила: — Доброта
во мне сильна, но всё ж не безгранична.
Тебе ходить со мною неприлично. —
Дождь на меня смотрел, как сирота.

— Ну, чёрт с тобой, — решила я, — иди!
Какой любовью на меня ты пролит?
Ах, этот странный климат, будь он проклят! —
Прощённый Дождь запрыгал впереди.

3

Хозяин дома оказал мне честь,
которой я не стоила. Однако,
промокшая всей шкурой, как ондатра,
я у дверей звонила ровно в шесть.

Дождь, притаившись за моей спиной,
дышал в затылок жалко и щекотно.
Шаги — глазок — молчание — щеколда.
Я извинилась: — Этот Дождь со мной.

Позвольте, он побудет на крыльце?
Он слишком влажный, слишком удлинённый
для комнат. — Вот как? — молвил удивлённый
хозяин, изменившийся в лице.

4

Признаться, я любила этот дом.
В нём свой балет всегда вершила лёгкость.
О, здесь углы не ушибают локоть,
здесь палец не порежется ножом.

Любила всё: как медленно хрустят
шелка хозяйки, затенённой шарфом,
и, более всего, пленённый шкафом —
мою царевну спящую — хрусталь.

Тот, в семь румянцев розовевший спектр,
в гробу стеклянном, мёртвый и прелестный.

Но я очнулась. Ритуал приветствий,
как опера, станцован был и спет.

5

Хозяйка дома, честно говоря,
меня бы не любила непременно,
но робость поступить несовременно
чуть-чуть мешала ей, что было зря.

— Как поживаете? (О блеск грозы,
смирённый в тонком горлышке гордячки!)
— Благодарю, — сказала я, — в горячке
я провалялась, как свинья в грязи.

(Со мной творилось что-то в этот раз.
Ведь я хотела, поклонившись слабо,
сказать: — Живу хоть суетно, но славно,
тем более, что снова вижу вас.)

Она произнесла: — Я вас браню.
Помилуйте, такая одарённость!
Сквозь дождь! И расстоянья отдалённость! —
Вскричали все: — К огню её, к огню!

— Когда-нибудь, во времени другом,
на площади, среди музыки и брани,
мы б свидеться могли при барабане,
вскричали б вы: — В огонь её, в огонь!

